

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ ОСКАРА БЕККЕРА «О ХРУПКОСТИ ПРЕКРАСНОГО И АВАНТЮРИЗМЕ ХУДОЖНИКА. ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ФЕНОМЕНА»

ПАТКУЛЬ АНДРЕЙ

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: andreipatkul@gmail.com

Данная работа представляет собой первую публикацию перевода на русский язык классической статьи О. Беккера. В ней продемонстрировано образцовое применение феноменологического метода к сфере эстетических феноменов. В своей работе Беккер декларирует необходимость введения в эстетику новой категории «хрупкости» (впервые намек на нее встречается у К. Зольгера), которая является, с его точки зрения, конститутивной чертой прекрасного и даже эстетического как такового. Содержание этого понятия Беккер раскрывает также через понятия «уязвимости» и «ломкости». Для их точной дескрипции философ использует метод «отделения» этих феноменов от похожих, но не тождественных с ними явлений. По его мнению, ломкость присуща любому эстетическому предмету, независимо от его трагичности или комичности, как и независимо от его характера *pulchritudo vaga* (несвязанной красоты). В статье Беккер дает очень интересный анализ незаинтересованности эстетического удовольствия и противостоящего ей феномена «*thrill*». В целом он полагает, что эстетические предметы — это феномены как феномены, а их способ бытия — это *auto to phainesthai* (само явление) в смысле Т. Гоббса. Основной тезис в отношении эстетических феноменов у Беккера, который следует здесь Ф. Шеллингу, состоит в том, что их онтологическое основание — это тождество сознательного и бессознательного начал бытия. В заключение Беккер, опираясь на хайдеггеровскую герменевтическую онтологию, дает интересный анализ темпоральности бытия художника. Но, оппонируя Хайдеггеру, он вводит также и собственное понятие «вознесенности», которое указывает на то, что бытие художника вознесено свободной благосклонностью природы над историчностью обычного человеческого существования. Таким образом, согласно Беккеру, темпоральный модус бытия художника — это вечное настоящее.

Ключевые слова: феноменология, феномен, эстетика, искусство, художник, способ бытия, прекрасное, историчность, природа, сознательное, бессознательное.

THE PREFACE TO THE TRANSLATION O. BECKER. THE VACUITY OF ART AND THE DARING OF THE ARTIST

PATKUL ANDREY

PhD in Philosophy, senior lecturer of the Department of Ontology and Epistemology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, 199034 St. Petersburg, Russia

E-mail: andreipatkul@gmail.com

This paper is the first publication of a translation of the classical phenomenological article by Oskar Becker into Russian. It contains an exemplary application of phenomenological method in the field of esthetics. The aim of the article's author is to introduce the new category of "vacuity" (it goes from K. Solger) in the former esthetics. Becker believes that *vacuity* is a constitutive feature of the beautiful as well as of the esthetic domain as such. He also calls it "fragility" and "frailness". The philosopher uses the method of separation (die Abhebung) trying to distinguish the proper meaning of fragility and the similar but not identical phenomena. He states that *fragility* belongs to any esthetical phenomenon regardless of its tragic or comic character or of its character of *pulchritudo vaga*. The analysis of the possibility of the disinterested pleasure as opposed to the phenomenon of "thrill" in the field of esthetics given by Becker is of very importance. Generally, he thinks that the esthetical objects are phenomena as phenomena. And their way of being is *auto to phainesthai* in the sense of Th. Hobbes. The main thesis relating to the esthetical phenomena by Becker, who follows F. Schelling here, is that their ontological basis is in the identity of conscious and unconscious principles of being. In conclusion, Becker analyses of the temporality of being of an artist basing on Heidegger's hermeneutical ontology. Becker, however, introduces his own notion of *stateliness* (die Getragenheit), which shows that the being of an artist is raised by grace of nature outside the ordinary historicity. Thus, the temporal mode of being of an artist is the eternal presence according to Becker.

Key words: Phenomenology, Phenomenon, Esthetics, Art, Artist, Way of Being, the Beautiful, Historicity, Nature, the Conscious, the Unconscious.

Публикацией перевода статьи Оскара Беккера «О хрупкости прекрасного и авантюризме художника» редколлегия журнала «Horizon. Феноменологические исследования» продолжает развивать одно из направлений, заявленных в «Манифесте» издания, — ознакомление русскоязычного читателя с работами феноменологов, чьи имена ему по самым разным причинам неизвестны или известны не в достаточной степени.

Нет никакого сомнения в том, что имя *Оскара Беккера* относится к ряду таких имён. Более того, о Беккере недостаточно известно не только русскоязычному читателю — он и зарубежными авторами упоминается в связи с историей феноменологии не столь часто, как, пожалуй, того заслуживает. И нельзя исключать опасности, что имя его, всё же, наряду с именами Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти и др., принадлежащее к первостепенным именам в истории

феноменологии, может затеряться среди имён второго и даже третьего эшелона этого философского течения.

В самом деле, о значимости Беккера в рамках феноменологического движения первой половины XX столетия можно судить уже по тому, что, по свидетельству Б. Джонса, Гуссерль, ассистентом которого одно время был этот философ, «надеялся, что Хайдеггер и Беккер завершат его грандиозный исследовательский план: Хайдеггер — в части гуманитарных наук, Беккер — в части наук естественных» (Jones, 2012, 58). Капитальное феноменологическое исследование Беккера по философии математики «Математическое существование. Исследование по логике и онтологии математических феноменов» увидело свет *в том же самом томе* «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию» (одним из редакторов которого Беккер, собственно говоря, и являлся), что и «Бытие и время» Хайдеггера.

Всё это само по себе, разумеется, свидетельствует о степени значимости Беккера для становления феноменологии: в том числе, например, о том, что она может быть сравнима со степенью значимости Хайдеггера. К сожалению, и без того недостаточно широкая рецепция воззрений Беккера сложилась таким образом, что за ним закрепилась репутация человека, применяющего методологические принципы, заложенные другими мыслителями, к *определённым* предметным областям. Прежде всего в качестве такого рода «авторитетов» для Беккера в этой связи упоминаются Гуссерль и Хайдеггер, под влиянием которых Беккер, вне всякого сомнения, находился. А среди таких областей обычно в первую очередь выделяют логику, философию математики и эстетику (чем, правда, подчеркивается особая разносторонность научных интересов мыслителя).

Но, возможно, что и, напротив, частичная ориентация Беккера на признанные образцы феноменологической мысли ещё не свидетельствует о его вторичности и эпигонстве. Вопрос о его самостоятельности или несамостоятельности в рамках этого философского направления и значении для него, как и для всей современной философии в целом, вряд ли сейчас может быть решён — он ещё потребует от историков философии полной и подробной реконструкции собственных воззрений Беккера, сопоставления их со взглядами других мыслителей. А такая реконструкция обещает быть трудной, поскольку мыслитель этот так и не опубликовал трактата, в котором, по крайней мере, декларировал бы, подобно Хайдеггеру в «Бытии и времени», свою собственную философскую программу. Беккер действительно ограничивался, как правило, публикацией результатов региональных, прикладных либо даже исторических исследований. Исключение здесь прежде всего отчасти составляют некоторые его статьи, изданные за год до смерти в сборнике «Dasein und Dawesen»,¹ — часть из них и в самом деле имеет программный характер: возможно, они смогут послужить и основой полной реконструкции собственной метафизики Беккера. Но и здесь, как правило, аутентичная позиция философа, если угодно, только проглядывает за конкретными региональными и историческими исследованиями или критикой оппонентов.

Характер рецепции мысли Беккера, его недостаточная известность философской

¹ Предварительно и очень условно можно дать этому заглавию, заключающему в себя беккеровский неологизм Dawesen [Вотбытие и присутствие].

публике даже за рубежом может быть обусловлена также ещё двумя обстоятельствами.

Во-первых, нужно упомянуть о личной скромности мыслителя, не позволявшей ему, в отличие от некоторых своих значительно менее одаренных, но теперь уже значительно более известных коллег по философскому (и в частности по феноменологическому) цеху, кстати и некстати напоминать о себе. О. Пеггелер, бывший одним из учеников Беккера, вспоминал об этой черте характера своего учителя:

Сам Беккер никогда не был склонен к чересчур уж публичному вопросу о *своём* способе философствования. *De nobis ipsis silemus*² — этим словам из “*Instauratio magna*”³ Бэкона, которые Кант предпосылал своей “Критике чистого разума”, Беккер, очевидно, следовал на протяжении всей своей жизни... (Pöggeler, 1969, 298).

Во-вторых, это политические пристрастия Беккера, который во времена господства национал-социализма в Германии оставался в стране, занимая видное положение, продолжал преподавать и публиковать работы, близкие по духу нацистской идеологии, хотя, в отличие от Хайдеггера, так и не вступил в ряды НСДАП. Как отмечает В. Хогребе: «Оскар Беккер, хотя и не был членом партии, с середины 1930-х годов вплоть до конца войны публиковал тексты, которые однозначно и в исключительно сильной форме представляли набор национал-социалистических мыслей» (Hogrebe, 2009, 158).

Так или иначе с 1946 по 1951 год Беккер был лишен права на преподавание, и до сих пор среди оценок некоторых аспектов его философии иногда делается акцент на его «нордической метафизике» (у Беккера действительно была работа, озаглавленная таким образом) «в довольно типичном нацистском стиле». (Иногда говорится также о наличии «нордической метафизики» именно в предлагаемой вниманию уважаемого читателя статье Беккера, о чём мы предоставим ему возможность судить самостоятельно. По крайней мере, здесь и в самом деле можно найти *метафизику*, не ограничивающуюся анализом языка, тем более повседневного, или не стремящуюся к симбиозу формальной калькуляции, натурализма и прагматизма — при том, что Беккер, в отличие от многих других представителей феноменологии, с одной стороны, «интенсивно занимался англосаксонскими логическими исследованиями» (Pöggeler, 1969, 299), а с другой — сам посвятил некоторые свои труды модальному исчислению.)

В любом случае реконструкция собственной философии Беккера и её, по возможности, объективная оценка — дело будущего. Здесь будет уместнее привести важнейшие факты из биографии философа, указать на ключевые его публикации и наиболее репрезентативную комментаторскую литературу о нём, а также сказать несколько слов о самой публикуемой здесь его статье, — слов, без которых, наверное, может не сложиться её целостное понимание.

* * *

Оскар Иоахим Беккер (Oskar Joahim Becker) родился 5 сентября 1889 года в

2 О себе самих молчим (лат.).

3 Великое восстановление (лат.).

Лейпциге. Здесь же в детстве он посещал знаменитую школу им. Святого Фомы (Thomasschule).

Будущий философ изучает физику, химию, психологию в Нью Колледж в Оксфордском университете, затем, в Лейпцигском университете — математику, теоретическую физику и философию, а также археологию и историю искусств (Röggeler, 1969, 299).

В 1914 году он защищает докторскую диссертацию по математике у О. Хельдера и К. Рона на тему «О разложении многоугольника на непересекающиеся треугольники на основании аксиом сочетания и порядка».

С 1915 по 1918 год О. Беккер принимает участие в сражениях Первой мировой войны на западном и восточном фронтах. После окончания войны он вновь возвращается к науке. Беккеру пришлось сделать нелегкий выбор между продолжением изучения математики под руководством Д. Гильберта и философии под руководством Э. Гуссерля: совместить эти возможности до начала войны было бы легче, поскольку тогда и Гильберт, и Гуссерль преподавали в университете Геттингена. Но во время войны Гуссерль перебирается во Фрайбург — так что Беккеру приходится решать, какой путь в науке ему предпочесть. И выбор свой он делает в пользу философии.

Во Фрайбурге же будущий автор «Математического существования» и «О хрупкости прекрасного» посещает занятия, которые проводит молодой Хайдеггер. То, что Беккер, будучи даже на несколько недель старше Хайдеггера, оказывается его слушателем, объясняется вынужденным перерывом в его университетском обучении из-за участия в военных действиях.

О. Пеггелер следующим образом описывает исследовательские интересы Беккера в то время:

Тогда он работал под руководством Гуссерля в пограничной области между философией и математикой, но тем, что в тогдашнем Фрайбурге сформировало его самым решительным образом, была герменевтика фактичности молодого Хайдеггера, который, правда, по видимости, развивал феноменологию своего учителя Гуссерля, но на деле философствовал так из протеста против своего учителя, как некогда Аристотель — из протеста против своего учителя Платона. Так вот, Беккер пытался всё же сделать хайдеггеровскую герменевтику фактичности применимой именно к той области работы, к которой эта герменевтика, как может показаться, не имеет никакого естественного отношения, — к области математики (Röggeler, 1969, 299-300).

Так или иначе, в 1922 году (по другим данным — в 1923 году) он защищает габилитационную диссертацию на тему «К феноменологическому обоснованию геометрии и её применений в физике».

После габилитации Беккер, наряду с Хайдеггером, становится ассистентом Гуссерля, а в 1927 году — экстраординарным профессором во Фрайбургском университете. В этот же период он является сначала неформальным, а затем официальным соредактором знаменитого «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию». Официально он становится соредактором издания после ухода из жизни М. Шелера в 1928 году, и при его участии выходят 9–11 тома «Ежегодника». В 1927 году

в «Ежегоднике» также выходит работа Беккера, которую принято считать его *opus magnum*⁴, — «*Математическое существование. Исследование по логике и онтологии математических феноменов*».

В 1931 году он принимает приглашение на место ординарного профессора истории математики в университете Бонна. До начала Второй мировой войны философ ведёт здесь также математический семинар совместно с Отто Теплицем. В этом университете Беккер преподаёт до 1946 года, когда его лишают права на преподавание, и с 1951 по 1955 год, после чего выходит на пенсию. Следует отметить, что среди учеников Беккера в разное время, кроме уже упомянутого О. Пеггелера, были такие значительные исследователи и деятели культуры, как Макс Бензе, Пауль Лоренцен, Ханс Злуга, Юрген Хабермас, Карл-Отто Аппель, Карл-Хайнц Ильтинг, Херманн Шмитц, Элизабет Штрекер.

Ушёл из жизни Оскар Беккер 13 ноября 1964 году в Бонне.

К наиболее значительным публикациям философа необходимо отнести следующие (выборочно):

Becker, O. (1927). *Mathematische Existenz. Untersuchungen zur Logik und Ontologie mathematischer Phänomene*. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* (Vol. VIII), (440-809). Halle: Max Niemeyer Verlag.

Becker, O. (1929). *Von der Hinfälligkeit des Schönen und der Abenteuerlichkeit des Künstlers*. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Ergänzungsband* (27-52). Halle: Max Niemeyer Verlag.

Becker, O. (1930 a) *Die Philosophie Edmund Husserls*. In *Kant Studien* (Vol. 35), (119–150). Berlin, New York: Walter de Gruyter.

Becker, O. (1930 b). *Zur Logik der Modalitäten*. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* (Vol. XI), (497-548). Halle: Max Niemeyer.

Becker, O. (1933 a). *Eine voreudoxische Proportionslehre und ihre Spuren bei Aristoteles und Euklid*. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathe-matik, Astronomie und Physik* (Vol. II), (311–333). Berlin: Springer.

Becker, O. (1933 b). *Warum haben die Griechen die Existenz der vierten Proportionale angenommen*. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathe-matik, Astronomie und Physik* (Vol. II), (369–387). Berlin: Springer.

Becker, O. (1936 a). *Spuren eines Stetigkeitsaxioms in der Art des Dedekindschen zur Zeit des Eudoxos*. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathe-matik, Astronomie und Physik* (Vol. III), (236–244). Berlin: Springer.

Becker, O. (1936 b). *Das Prinzip vom ausgeschlossenen Dritten in der griechischen*

4 Главный труд (лат.).

Mathematik. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik* (Vol. III), (370–388). Berlin: Springer.

Becker, O. (1936 c). Die eudoxische Lehre von den Ideen und den Farben. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik* (Vol. III), (389–410). Berlin: Springer.

Becker, O. (1937). Transzendenz und Paratranszendenz. In R. Bayer (Ed.), *Travaux du IX Congrès International de Philosophie* (97–104). Paris: Extrait.

Becker, O. (1943). Para-Existenz. Menschliches Dasein und Dawesen. *Blätter für deutsche Philosophie*, (17), 62–95.

Becker, O. (1944). *Leibnitz, der deutsche Denker und gute Europäer*. Bonn: Gerb. Scheur.

Becker, O. (1952). *Untersuchungen über den Modalkalkül*. Meisenheim am Glan: Westkulturverlag Anton Hain.

Becker, O. (1957). *Das mathematische Denken der Antike*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Becker, O. (1959). *Größe und Grenze der mathematischen Denkweise*. Freiburg: Karl Alber.

Becker, O. (1960). *Die Aktualität des pythagoreischen Gedankens*. In Gadamer-Festschrift (7–30). Tübingen: Mohr.

Becker, O. (1963). *Dasein und Dawesen. Gesammelte philosophische Aufsätze*. Neske: Pfullingen.

См. также библиографию работ Беккера, составленную (на октябрь 1967) Лео Цимни в: (Zimny, 1969).

Комментаторская литература о Беккере может быть представлена следующими изданиями (выборочно):

Gethmann-Siefert, A., & Mittelstraß, D. (Eds.). (2002). *Die Philosophie und die Wissenschaften. Zum Werk Oskar Beckers*. München: Fink.

Hempel, H.-P. (1967). *Oskar Becker: Dasein und Dawesen. Gesammelte Philosophische Aufsätze*. Pfullingen: Verlag Günter Neske

Hogrebe, W. (2009). Die Selbstverstrickung des Philosophen Oskar Becker. In H.-J. Sandkühler (Ed.), *Philosophie im Nationalsozialismus* (157–190). Hamburg: Meiner.

Löwith, K. (1986). *Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933: ein Bericht*. Stuttgart: J.B. Metzler.

- Peckhaus, V. (Ed.). (2005). *Oskar Becker und die Philosophie der Mathematik*. München: Fink.
- Pöggeler, O. (1965). Hermeneticische und mantische Phänomnologie. *Philosophische Rundschau*, (13), 1–39.
- Pöggeler, O. (1969). Oskar Becker als Philosoph. In *Kant Studien* (Vol. 60), (298–311). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Pöggeler, O. (2002). Phänomenologie und philosophische Forschung bei Oskar Becker. In A. Gethmann-Siefert & J. Mittelstraß (Eds.), *Die Philosophie und die Wissenschaften. Zum Werk Oskar Beckers* (13–25). München.
- Sattler, J. (2011). *Phänomenologie und Ontologie bei Oskar Becker* (Ph.D. Thesis, FernUniversität in Hagen, University of Hagen, Germany). Retrieved from http://deposit.fernuni-hagen.de/2764/1/Diss_Sattler.pdf.
- Sepp, H. R. (1998). Die Ästhetik Oskar Beckers. *Axiomathes*, (9), 105–116.
- Dauben, J. W., & Scriba, C. (Eds.). (2002). *Writing the History of Mathematics*. Basel: Birkhäuser.

* * *

Теперь нужно сказать о самой работе, перевод которой здесь публикуется. Основанием для выбора именно данного текста для перевода и последующей публикации выступает прежде всего то, что статья эта, опубликованная впервые в дополнительном томе «Ежегодника», посвящённом семидесятилетию юбилею Гуссерля (Becker, 1929, 27–52), является одной из самых известных и показательных работ Оскара Беккера.

Она, с одной стороны, служит блестящим примером применения феноменологического метода к определённой предметной сфере — к эстетике или, как говорит сам её автор, к «области эстетического феномена». Нельзя не согласиться с мнением Х.-П. Гемпеля, высказанным им относительно этой работы Беккера и его также отчасти посвящённой проблемам эстетики статьи «Об авантюризме художника и осмотровой удали философа»⁵: «Обе <...> статьи являются выдающимися достижениями как философского, так и научно-теоретического частного исследования; в них на деле подтверждается значительное мастерство Беккера» (Hempel, 1967, 463).

В этом аспекте статья интересна, во-первых, тем, что автор её заставляет по-новому и — в феноменологическом отношении — очень живо зазвучать эстетическую традицию немецкой философии; причем то её направление, которое в качестве «романтического», как многим ко времени Беккера казалось, уже давно было преодолено гегельянскими и неокантианскими образцами эстетической мысли. Тут достаточно указать на фигуры *Зольгера* и *Шеллинга*, имеющие определяющее значение

⁵ Ср.: (Becker, 1963, 103–126).

для беккеровской трактовки эстетического феномена и его онтологических оснований. Используемое едва ли не *ad hoc* первым из них в отношении прекрасного прилагательное «хрупкое» субстантивируется Беккером до абстрактного существительного «хрупкость» и трактуется как едва ли не предельная конститутивная черта феномена прекрасного, да и всей сферы подлинно эстетического в целом. Во всяком случае, Беккер обсуждает возможность введения «хрупкости» в эстетику в качестве особой категории.

О Шеллинге, чье представление о тождестве сознательной и неосознанной деятельности как принципе эстетического продуцирования Беккер вообще кладёт в основу своей трактовки не только эстетического феномена, но и всякого бытия, он говорит даже, что тот «... в ясных очертаниях увидел представленную нами проблему и дал её решение, которое, кроме всего прочего, следует также причислить к глубочайшим мыслям, вообще появившимся в истории эстетики» (Becker, 1963, 23). Одна из повторяющихся формул, характеризующая у Беккера положение Шеллинга по отношению к феноменологически описываемому Беккером эстетическому феномену, в общем виде может быть передана как «он уже ясно видел...».

И всё же исторические предшественники Беккера в области эстетики не являются для него не пререкаемыми авторитетами, но, скорее, товарищами, помогающими нащупать верный путь к адекватному описанию эстетического феномена и особого способа бытия художника. Т. е. помогающими Беккеру в том, в чём, как, наверное, ему казалось, были не способны оказать помощь современники, и в частности коллеги по феноменологическому движению.⁶ Но, как и о взглядах Шеллинга, о взглядах Зольгера, да и любых других исторических предтеч эстетики Беккера, можно было бы сказать его словами: «Сегодня они <...> не могут быть приняты в качестве окончательных» (Becker, 1963).

Беккер поэтому говорит о необходимости нового прочтения старых эстетических находок в контексте современного ему употребления терминологии (и конфигурации её предметных коррелятов), например, о прочтении шеллинговской оппозиции сознательного и неосознанного через современную, но онтологически, а не только психологически, понятую оппозицию сознательного и бессознательного.

Во-вторых, привлекают к себе внимание и собственные достижения Беккера, полученные им в ходе описания эстетического феномена как такового, разумеется, отталкиваясь от прежней эстетической традиции, но уже и сравнительно независимо от неё. (В этом смысле относительно оригинальности позиции Беккера не должно вводить заблуждение использование им терминов, номинально тождественных с традиционными, например, «природа», «дух» — всякий раз нужно обращать внимание на то содержание, которое он в них вкладывает и которое может быть понято только из общего контекста его рассуждений.) Эти достижения вполне могли бы быть основой построения развёрнутой феноменологической эстетики, которую Беккер, к сожалению, вниманию философской публики так и не предложил. К наиболее оригинальным

⁶ В этом контексте очень любопытное сопоставление эстетических взглядов О. Беккера с эстетическими взглядами Э. Гуссерля, О. Финка, Р. Ингардена и М. Шелера даёт Х. Р. Зепп. См.: (Sepp, 1998, 110).

решениям в исследовании своеобразия эстетического феномена у Беккера можно отнести, по меньшей мере, следующие.

1. Саму его трактовку «хрупкости» эстетического объекта, в которой, разумеется, слышны отзвуки не только немецкой романтической и даже классической эстетики, но и эстетических представлений античности (напр., совершенство эстетического предмета как невозможность внесения в него — даже мысленных — изменений). Показательно, однако, при этом, как именно Беккер раскрывает тему «хрупкости», вписывая её в контекст «уязвимости» и «ломкости» сферы эстетического. Так, весьма интересны его характеристики «уязвимости» как особенности такого рода объектов: уязвимость эстетического — это, если угодно, «идеальная» уязвимость, она никак не связана ни с тем, что эстетический объект, как имеющий свой материальный субстрат подвержен физическому разрушению, ни с тем, что прекрасные вещи вообще обречены самой судьбой на гибель в этом несовершенном мире. Беккер подчёркивает, что *в ломкости эстетического самой по себе нет ничего трагического*. Она конститутивна для любого эстетического предмета — даже для такого, который индифферентен по отношению к категориальным оппозициям трагического и комического, прекрасного и безобразного. (В случае последнего показательно, что оно также может быть эстетичным, а стало быть, ломким и уязвимым, в отличие от скучного, которое, как говорит философ, «эстетически безнадежно».)

С другой стороны, — и тут Беккер предлагает нам очень перспективный и до сих пор актуальный набросок феноменологии современного искусства (или современных представлений об искусстве) — само по себе *будоражащее* нас не является эстетическим, хотя и укоренено в чувственно-наглядном, к которому эстетическое как раз-таки и не сводится, а только *проглядывает* в нём. Здесь обращает на себя внимание беккеровский анализ феномена «thrill», на котором, в частности, и построено в значительной мере современное искусство от самых «низких» до довольно «высоких» его образцов. Но феномен этот как раз препятствует тому, чтобы искусство вообще имело какую-либо эстетическую значимость. Таковую ему придаёт, напротив, *сдерживание «thrill» за счет внутренней формы* произведения, которая и задаёт, в конечном итоге, его уязвимость и ломкость — формой, онтологически примиряющей два антагонистических принципа бытия (природу и дух, бессознательное и сознательное). Тут, кстати, уместным будет привести слова О. Пеггелера, который характеризует Беккера — в отличие от Гегеля и Хайдеггера — именно как *формалиста* в эстетике:

В противоположность этой попытке (трактовать искусство как свершение истины. — *Прим. А. П.*) Беккер не устал повторять, что в мыслях Канта о красоте и эстетизме XIX и XX столетий было открыто “чистое” искусство и что открытие это можно отменить в столь же малой степени, как и открытие чистой математики в Греции VI столетия до Рождества Христова <...> То, что делает произведение искусства произведением искусства, — это ни в коем случае не содержание, но только его форма... (Pöggeler, 1969, 308).

(Справедливости ради, впрочем, нужно отметить, что непосредственно в «О хрупкости прекрасного» Беккер говорит вслед за Г. Когеном о «честности» произведения

искусства и, более того, следуя хайдеггеровскому истолкованию истины, о раскрывающей, истинствующей его функции ($\acute{\alpha}\text{-}\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha$)⁷).

2. Следующим важным моментом в данном контексте является *способ* трактовки Беккером тождества антагонистических принципов бытия, которое само по себе не является его открытием, а заимствуется им у Шеллинга с его тезисом о тождестве и полном взаимопроникновении сознательной и неосознанной деятельности в эстетическом продуцировании. Следуя шеллинговскому образцу, автор «О хрупкости прекрасного» всё же придает этому тождеству несколько иной смысл, чем у «принца романтиков». Беккер трактует тождество сознательного и бессознательного как тождество исторического (сознательного, знающего себя, свободного) брошенного наброска и природной (бессознательной, подчиненной судьбе, удачливой) вознесённости. Именно такое достигаемое в исключительных случаях, *одномоментное* тождество — всегда напряжённое — обеспечивает уязвимость и ломкость как конститутивные черты прекрасного и эстетического. Разумеется, этот мотив присутствует и в «Системе трансцендентального идеализма»; и неслучайно то, что Беккер в своей статье приводит оттуда пространные пассажи для иллюстрации своих собственных воззрений. Но вопрос здесь, скорее, в конкретном истолковании природного и исторического как таковых, а также самого характера их тождества. Именно это истолкование показывает, что, согласно Беккеру, *художественное произведение, равно как способ бытия творца его, не может быть всецело историческим, но на вершине тождества сознательного и бессознательного искусство трансцендирует историю и открывает в себе и посредством себя природу*. Это происходит у Беккера, в отличие от Шеллинга, так, что тождество сознательного и бессознательного в конечном итоге *не приводит к разрешению бесконечного противоречия и чувству умиления*, но только к дальнейшему напряжению, учреждающему ломкость эстетического. И, как отмечает Беккер, искусство не возносит, вопреки мнению Шеллинга, в святая святых всего человека, но только определённого человека и в определенном аспекте. «Так вот, в художнике, — так продолжает Беккер, — естественное и исторически-духовное пронизывают друг друга так, чтобы основное напряжение между природой и историческим духом не могло бы быть снято», (Sepp, 1998, 107) — пишет Х. Р. Зепп.

3. Наконец, третьим и наиболее важным, кульминационным моментом в беккеровском подходе к описанию эстетического феномена является введение им понятия *Getragenheit* — размеренности, величественности, медлительности, статности, торжественности, приподнятости или, как это и передается в итоговом варианте перевода, *вознесённости*. Термин этот используется философом для описания способа бытия художника и его творения. О самом статусе этого понятия в качестве *параэкзистенциала* речь ещё впереди — его можно очертить только на фоне краткой реконструкции беккеровской рецепции экзистенциальной аналитики Хайдеггера и его размежевания с этим мыслителем. Здесь же нужно отметить, что, собственно говоря, *Getragenheit* маркирует обозначенное ранее трансцендирование художника и его произведения истории в направлении природы — преимущественный путь для конечного человеческого существа к такому трансцендированию. Ведь вознесённость даёт человеку

7 Истина (др. греч.).

возможность вырваться из того измерения исторического, пусть даже и *собственного*, на которое он обречен как брошено-набрасывающее вотбытие. Искусство оказывается у Беккера медиумом между исторической обреченностью (сознательный, намеренный момент в искусстве) и торжественной праздничностью природы (бессознательный момент, момент удачи в искусстве). Не случайно философ даёт произведению искусства такую *временную* характеристику, которая в традиционной онтологии приписывалась *богу* — *вечное настоящее*, пусть и понятое как замкнутое на себя, вновь и вновь возвращающееся движение по кругу. (Надо также отметить, что вечное настоящее бога всё же не совпадает с вечным настоящим творения — в отношении статуса момента «теперь».) Поэтому произведение искусства для Беккера — это не историческое свершение раскрытия истины, но сам природный космос, назвать который *микрокосмом* может только человек, заведомо стоящий вне сферы эстетического.

В свою очередь это и позволяет описать способ бытия художника как *авантюризм*, тягу к приключениям — термин этот был даже вынесен Беккером в заглавие его статьи. Именно в искусстве, поскольку оно высвобождает человека из истории и связывает его с космосом, человек (и как художник, и как воспринимающий) уже не может в своей наброшенной брошенности опираться только на своё умение (а именно — умение быть, *Seinkönnen*), но оказывается ловцом удачи, даровать которую может исключительно «свободная благосклонность природы». Завоевать же её усилием исторической воли невозможно.

Таким образом, благодаря *вознесённости* и *авантюризму* эстетическое у Беккера начинает мыслиться как особая феноменальная сфера, обладающая *своим специфическим онтологическим статусом* (а именно — статусом *явления как явления*; Беккер указывает в этой связи на $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\ \tau\acute{o}\ \phi\alpha\iota\upsilon\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ Гоббса и отмечает, что уже у Гуссерля эстетический объект понимается как объект, по отношению к которому *феноменологическая редукция* всегда уже спонтанно осуществлена), в силу которого она из всех онтологических сфер по преимуществу способна служить трансцендированию того, что само мыслится как далее нетрансцендируемая трансценденция. *Эстетика становится, благодаря подходу Беккера, не только региональной онтологией эстетического, но и приобретает определяющее значение для онтологии как таковой.* О. Пеггелер утверждает:

Дух — таково было воззрение Беккера — не является историческим или экзистенциальным духом; у него также есть возможность разрешиться из своей историчности, превзойти её и в этом смысле быть “абсолютным” духом. В эстетическом усмотрении образов совершается такое саморазрешение... Ведь абсолютный дух всё же по своей структуре аналогичен до- и неисторической природе: он даже не знает исторической однократности и экзистенциального возобновления (Pöggeler, 1969, 306).

Впрочем, открытие способности искусства и эстетического к раскрытию, т. е. выявлению истины в сфере метафизики, Беккер также обнаруживает ещё у Шеллинга.

Другая перспектива, в которой статья Беккера может сейчас представлять интерес, — это *история феноменологии*.

В этой связи необходимо указать на два обстоятельства. *Во-первых*, данный текст может служить характерным примером рецепции феноменологического направления первой трети XX века *представителем самого этого направления*. «О хрупкости прекрасного» — образец не только применения феноменологического метода к определённой предметной сфере, но и рефлексии по поводу возможностей применения феноменологического метода как такового. Хотя, очевидно, этот момент проявлен у Беккера не столь сильно, как сама предметная дескрипция.

На основании текста статьи можно сделать вывод, что в целом автор её является *противником т. н. «реалистической» феноменологии и сторонником феноменологии трансцендентальной*. К сожалению, Беккер, по его собственному признанию, не хочет тратить времени на развернутую критику «наивности» мнимо беспредпосылочной реалистической феноменологии, показательным представителем которой он видит М. Гайгера, — именно конкретная аргументация, приводимая в рамках такого рода критики, могла бы представлять особый интерес, как исторический, так и систематический. Правда, говоря о трансцендентализме феноменологии и даже апеллируя к гуссерлевскому её варианту, сложившемуся после 1913 года, Беккер сам едва ли следует этой установке совершенным образом. По крайней мере, очевидно, что этот мыслитель не кладет в основание своей феноменологической дескрипции бытия эстетического феномена идею в себе достоверной трансцендентальной субъективности, осуществляющей конститутивные акты. И тем не менее он полагает, что некоторая трансцендентально-конституирующая инстанция всё же должна иметь место, чтобы сфера феноменального могла быть образована в качестве феноменальной (что особенно важно в сфере эстетического, бытие которого есть феномен как феномен).

Если и говорить об образце, ориентируясь на который автор «О хрупкости прекрасного» трактует такую конституирующую инстанцию, то это хайдеггеровское понятие *вотбытия*. По статье Беккера видно, что он как феноменолог уже на момент её написания по преимуществу следует за Хайдеггером, а не за Гуссерлем, учеником и ассистентом которого он был и в сборнике, посвященном юбилею которого опубликовал свой материал. Вместе с тем нужно отдать должное проницательности Беккера, трактующего хайдеггеровскую фундаментальную онтологию как разновидность именно *трансцендентальной феноменологии*, более того, — как *продолжение* трансцендентально-феноменологического начинания Гуссерля: «Главная черта этого основного онтологического подхода состоит в том, что он является *идеалистически-герменевтическим*, развивая тем самым — даже если и не прямолинейно — существенные линии трансцендентально-идеалистической феноменологии Э. Гуссерля» (Becker, 1963, 25). Конкретнее, Беккер подразумевает под таким продолжением следующее:

Тенденция герменевтической феноменологии восходит (хотя и не исключительно) к дальнейшей *конкретизации* основной трансцендентально-идеалистической установки «Идей», определяя ближе некоторые горизонты, оставленные там ещё неопределёнными, прежде всего за счет утверждения *конечности* не только «психологического» субъекта, но также и всякой релевантной в фунда-

ментально-онтологической перспективе субъективности... (Becker, 1963, 25–26).

На этом основании Беккер совершенно справедливо — и в прямом противостоянии первичной рецепции хайдеггеровского «Бытия и времени» — подчёркивает, что герменевтическая онтология не является «антропологизмом» и «психологизмом» новой волны (как, кстати, воспринял эту онтологию и сам Гуссерль), по сравнению с прежними «антропологизмом» и «психологизмом», раз и навсегда опровергнутыми основателем современной феноменологии ещё в первом томе «Логических исследований».

В целом адекватной, хотя и, разумеется, конспективной, является данная в беккеровской статье реконструкция основных установок и результатов хайдеггеровской экзистенциальной аналитики; впрочем, его истолкование этой онтологии как сводящей всю онтологическую проблематику к сфере историчности, всё же выглядит несколько тенденциозным. (Примечательно, что по крайней мере в данной статье Беккер не касается главной цели хайдеггеровской «исторической» онтологии — понятийного раскрытия смысла бытия вообще, т. е., стало быть, и смысла бытия неисторического существа, в частности природы.) Такая тенденциозность, на самом деле, окажется очень важной, потому что именно на фоне представления о замкнутости историчности в себе самой у Хайдеггера, Беккер — в оппозиции создателю фундаментальной онтологии — вводит новые онтологические сферы до- и сверхисторического. Кроме того, нужно указать на несколько *гегельянские* оттенки, присутствующие в толковании Беккером *историчности* у Хайдеггера, которую автор «О хрупкости прекрасного» пытается понять в том числе и через понятия *знания*⁸, *духа* и *свободы* — аспекты, которые не характерны для трактовки историчности самим создателем фундаментальной онтологии.

Наконец, *во-вторых*, критикуя своих коллег феноменологов, прежде всего выявляя недостаточность хайдеггеровской герменевтической онтологии для исследования в области эстетического феномена (а поскольку для Беккера эстетическое, как было сказано, во многом выполняет преимущественную функцию в онтологии, — и для онтологии вообще) философ оказывается вынужденным обнаружить свои собственные методологические и метафизические установки — так, чтобы они уже не ограничивались применением феноменологического метода к области эстетического феномена.

Решающим понятием, которое вводит Оскар Беккер для маркировки своей собственной позиции, оказывается понятие *параэкзистенциала*, призванное, соответственно, характеризовать такую структуру, как *параэкзистенция*.

Уже из самого названия видно, что данное понятие *вводится философом по контрасту с хайдеггеровским понятием экзистенции*. Понятие это должно, по замыслу Беккера, выразить нечто такое, на что понятие экзистенции в хайдеггеровском смысле уже указывает, но выразить адекватным образом ещё не способно.

Дело в том, что, по мысли Беккера, человеческое существо не ограничено только своим бытием, т. е. только своей экзистенцией, которая, если следовать беккеровской трактовке Хайдеггера, всецело ограничена духовно-историческим измерением.

⁸ На полях можно заметить, что было бы любопытным прочитать хайдеггеровскую трактовку умения быть как понимания [verstehen zu] в традиционной идеалистической терминологии знания [wissen zu].

По Беккеру, человек всё же способен трансцендировать историческое и быть причастным бытийным сферам, не принадлежащим истории. О. Пеггелер пишет об этом направлении мысли Беккера:

Человек — это экзистенция, но не только экзистенция, а также противоположность экзистенции, пара-экзистенция, как говорил Беккер. В качестве пара-экзистенции человек определённым образом знает пребывающие сущностные формы, в качестве экзистенции — бытие, которое мыслится, исходя из непокая наличия, из фактичности. Сущность и бытие в этом смысле суть предельные принципы, антагонистически относящиеся друг к другу. Беккер выражал этот антагонизм с помощью приставки “*para-*”, говоря об экзистенции и параэкзистенции, онтологии и параонтологии. При этом “*para-*” не подразумевало простого соположения, но антагонизм... (Pöggeler, 1969, 302).

В качестве параэкзистенциальных сфер, т. е. сфер, трансцендентных конечной историчности человеческого вотбытия, к которым может быть причастен человек, по Беккеру, можно отнести, *во-первых*, природу, а *во-вторых* — «абсолютный дух», сферу вечных, неизменных идеальных сущностей. Человек связан с природой, поскольку он не просто осуществляется (как брошенный набросок) в истории, но является *существом* (Wesen) — в этом слове философом обыгрывается двусмысленность единичного чисто природного существа и интеллигибельной сущности, чтойности.

Человек есть существо в том случае, если он остается естественным <...> наподобие авантюриста, позволяющего судьбе вести себя. Но человек также “существо”, если он всецело отдает себя абсолютной духовности, как, например, математик всецело теряет себя в уравнениях, которые он пишет на доске... (Pöggeler, 1969, 307).

Параэкзистенциальность в отношении природы достижима, например, в «наслаждении», «которое возвращает человека во в себе покоящуюся и застывшую природу, в *natura genetrix*⁹ ...» (Pöggeler 1969, 301).¹⁰ Параэкзистенциальность в отношении «абсолютного духа» достижима в *интендировании идеального*, как в уже приведённом примере с математиком и его потерянностью в уравнениях, а именно в разрешении или отрешении себя из истории и исторического, которое «равным образом имеет место, например, в математике, в естественном праве, равно как и в метафизике, в той мере, в какой она является формальной онтологией» (Pöggeler, 1969, 306).

Общность же — параэкзистенциальность — природы и абсолютного (разрешенного из истории духа) обеспечивается тем, что «абсолютный дух *в его структуре* (курсив мой. — Прим. А. П.) является аналогом доисторической и неисторической природы» (Pöggeler, 1969, 306).

⁹ Мать-природа (лат.).

¹⁰ Беккер, как отмечает Пеггелер, пытался встроить в традицию, которая оформилась уже у Лукреция, те открытия о человеке и его природности, которые были сделаны после Ницше и в психоанализе.

Впрочем, структурная изоморфность не означает у Беккера тождества, ибо для него отношение между природой и абсолютном духом — это также, как уже было сказано со ссылкой на Х. Р. Зеппа, отношение напряжения, которое не может быть снято. «Снятие напряжения невозможно <...>, потому что обе сферы хотя и сталкиваются друг с другом в эстетическом переживании, однако не могут быть просто объединены» (Sepp, 1998, 107).

Впрочем, согласно Беккеру, имеет место сфера, которая превосходит оппозицию экзистенциального и паразекзистенциального, бытия и существа, и на фоне которой антагонизм их только и может разыграться, а именно *гиперонтологическое*. В «Об авантюризме художника» Беккер утверждает: «Следует принять поэтому пункт, который в равной мере превосходит онтологию и параонтологию и, в силу этого, должен быть обозначен как *гиперонтологический*» (Becker, 1963, 107). Эта гиперонтологическая позиция и достигается по преимуществу в эстетическом феномене и посредством эстетического феномена, который, с одной стороны, возвращает художественную экзистенцию (творца и воспринимающего) в природу благодаря вознесённости и авантюризму, а с другой стороны — в акте эстетического созерцания — открывает существо в смысле эйдоса, но, с третьей стороны, всё же в аспекте техники и умения неразрывно связан с историческим измерением. Именно поэтому в «О хрупкости прекрасного» Беккер характеризует саму эстетическую категорию хрупкости как *онтологическую-гиперонтологическую* и говорит о системе *онтологических-гиперонтологических* напряжений, господствующих в эстетическом феномене. Именно гиперонтологическое (которое может быть понято как метафизическое в узком смысле слова) уподобляется Беккером *бездне*, над которой наведен зыбкий мост эстетического. (В этом смысле ранее здесь и говорилось о преимуществе эстетического для онтологии, по Беккеру, — термин «онтология» в данном случае брался в универсальном, небеккеровском смысле). Сам философ при этом говорит: «Вместе с тем нужно сразу же подчеркнуть чисто методическое значение обозначения “гиперонтология”: любая экзальтация была бы здесь неуместна. И всё же благодаря этому понятию открывается новый, более высокий взгляд на проблему» (Becker, 1963, 107).

Оценивая эстетическую концепцию Беккера в целом, можно предварительно сказать, что *открытие гиперонтологической функции эстетического феномена* является его решающим открытием — как для феноменологической эстетики, так и для феноменологической онтологии. В известном смысле в такой трактовке художественного и эстетического он предвосхищает даже хайдеггеровский отход от проекта фундаментальной онтологии как экзистенциальной аналитики к бытийно-историческому мышлению, которое ведь не в последнюю очередь было мотивировано работой Хайдеггера с проблематикой бытия искусства. (Уже указывалось на то, что, по Беккеру, искусство имеет характер $\acute{\alpha}\text{-}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ в сфере метафизики — в «Бытии и времени», где имеет место истолкование истины как раскрытия, аппликации этого истолкования к произведению искусства мы ещё не найдем, она характерна для более поздних работ Хайдеггера). Открытие гиперонтологической функции искусства Беккером также совершается на фоне критики ограниченности экзистенциальной аналитики, хотя он намечает переход от неё к параонтологии и гиперонтологии совсем иначе, чем Хайдеггер периода бытийно-исторической мысли — переход к таковой от фундаментальной онтологии. Беккер всё

же сохраняет человеческое вотбытие как конституирующую инстанцию, тогда как для Хайдеггера ведущее значение начинает играть истина бытия как таковая.

К сожалению, эта программа Беккера так и не была полноценно реализована. Возможно, трудность её реализации действительно заключалась в том, что Беккер заранее ориентировался на заданный образец хайдеггеровской экзистенциальной аналитики, связывал своё понимание пара- и гиперонтологии с дополнением и превосхождением этого философского образца. А возможно, тем самым, в соответствии с излюбленной формулой самого Хайдеггера, Беккер увязал в том, что именно он пытался дополнить и преодолеть. Не исключено также, что, если бы он сформулировал свои базовые интенции *независимо от хайдеггеровской онтологии*, не трактовал бы обозначенную им сферу гиперонтологического по контрасту со сферой онтологического как чисто исторического у Хайдеггера, вводя для её описания базовые понятия, сформированные как отрицательные аналоги хайдеггеровской онтологии, беккеровское начинание было бы значительно более успешным. Но судить об этом теперь уже нет возможности.

Тем не менее его начинание — даже как только начинание — является весьма примечательным: оно мотивирует не только дальнейшее развитие феноменологической эстетики, но — привативно — ограничения универсализации исторического, нередко и в самом деле характерной для феноменологии — и не только хайдеггеровской. Позитивно же беккеровский опыт рассмотрения эстетического феномена, безусловно, побуждает к, скажем так, *феноменологической реабилитации природы* или, что не то же самое, — *к реабилитации природы в феноменологии* (это, кстати, со своей стороны также делало бы оправданным обращение Беккера к наследию Шеллинга с его представлением о композиции природы и сознания, натурфилософии и трансцендентального идеализма), равно как попытке нового феноменологического обращения к сфере эйдетического, т. е. в известном смысле к прояснению возможности феноменологической метафизики.

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность коллегам, оказавшим помощь при подготовке перевода этой замечательной статьи Беккера, а именно: Н. А. Артеменко, И. Ю. Ларионову, К. В. Лощевскому, Е. В. Малышкину, А. В. Парибку, Г. И. Чернавину.

Перевод выполнен по изданию: (Becker, 1963, 11–40). При публикации перевода статьи дана общая сквозная нумерация сносок Беккера и редактора перевода. Примечания редактора перевода отмечены «*Прим. ред.*». В издании статьи, по которому сделан перевод, нумерация беккеровских сносок является постраничной с началом списка сносок для каждой страницы.

Статья Беккера в целом написана насыщенным, живым языком, сочетающим в себе выразительность мысли и яркую образность. Хотя в некоторых случаях автор позволяет себе увлекаться риторикой, призванной иллюстрировать некоторые собственно философские положения, и его изложение становится слишком метафоричным, причём метафоры — и без того уже широко используемые — в некоторых случаях

повторяются у Беккера в разных контекстах. Впрочем, это происходит не так часто.

Сложность при переводе зачастую создавали и многочисленные вводные слова или слова, обозначающие смысловые акценты, близкие по смыслу и встречающиеся в одном предложении. Стратегия перевода была направлена на то, чтобы сохранить эти слова, но в исключительных случаях ими приходилось жертвовать по стилистическим соображениям. Стилистическую сложность представлял ещё и прием Беккера перемежать в некоторых случаях длинные развёрнутые предложения коротким или некоторым количеством коротких предложений, но в таких случаях перевод, как правило, следует за оригиналом текста. В некоторых же случаях, даже независимо от описанной ситуации, слишком длинные предложения в оригинале разбиты на несколько коротких в переводе. Стратегия перевода предполагала также сведение к минимуму использования слов в круглых (непереводимые однозначно оригиналы) и квадратных (добавленные переводчиком для достраивания предложения на русском языке) скобках. Квадратные скобки при добавлениях ставились только тогда, когда добавленное слово или слова могли иметь терминологическое значение, либо допускали разное прочтение.

Что касается лексики, то затруднения вызывали переводы многих слов и терминов, в том числе и в цитатах из других авторов, прежде всего из цитируемой Беккером статьи Д. Лукача. Обсуждать все эти трудности здесь нет возможности. Лучше будет указать на несколько групп связанных терминов, перевод которых представлял собой именно концептуальное затруднение.

1. Прежде всего это ряд слов, близких у Беккера по смыслу, с помощью которого в статье описывается главная онтологическая черта прекрасного: *die Hinfälligkeit*, *die Fragilität*, *die Zerbrechlichkeit*, *verletzlich*, *die Labilität*. Главной трудностью был перевод первых трёх из названных терминов. В первоначальной редакции перевода *die Hinfälligkeit* передавалась как «неустойчивость», *die Fragilität* — как «хрупкость», *die Zerbrechlichkeit* — как «ломкость». В итоге было принято решение согласовать, по возможности, перевод с существующим переводом диалога Зольгера «Эрвин», на который опирается Беккер. Зольгер не делает такого акцента на *die Hinfälligkeit*, как Беккер, более того, он, собственно говоря, употребляет прилагательное, а не существительное, как автор публикуемой здесь статьи. Похоже, что русский переводчик Зольгера вообще не увидела в зольгеровском *hinfällig* термина, т. к. в разных местах текста она передаёт его по-разному. Тем не менее, было решено согласовать перевод терминов с тем местом в «Эрвине», которое, предположительно, имел в виду Беккер. В русском переводе там стоит «хрупкий», и дальнейшие варианты переводов указанных терминов искали исходя именно из этого обстоятельства. В итоге были приняты следующие варианты переводов: *die Hinfälligkeit* — хрупкость, *die Fragilität* — уязвимость (в одном случае по смыслу пришлось однокоренное к нему слово перевести как «зыбкий»), *die Zerbrechlichkeit* — ломкость, *verletzlich* — ранимый, *die Labilität* — неустойчивость.

2. Известная трудность состояла и в передаче ряда слов, связанных с метафорой скалы, с помощью которой Беккер описывает эстетическое. Беккер использует два

слова, которые могут быть переведены как «вершина» — *die Spitze* (как правило) и *der Gipfel*. Кроме того, он образует различные прилагательные от *die Spitze*, которые призваны характеризовать *die Zerbrechlichkeit*, т. е. ломкость, разбивчивость произведения искусства и сферы эстетического. В итоге было принято решение переводить как «вершина» *der Gipfel*, *die Spitze* — как «остриё вершины», что соответствует и смысловым оттенкам слова в немецком языке (вершина в целом и самый пик её), и контексту их употребления у Беккера. Соответственно, *zugespitzt* переведено как «заострённый», *spitzenartig* — как «островерхий». Употребляемое Беккером рядом с *zugespitzt*, что называется, через запятую *überschärft* передано как «отточенное».

3. Особенно деликатным моментом было различие при переводе двух оппозиций — *das Bewußte / das Bewußtlose* у Шеллинга, на которого опирается Беккер, и *das Bewußte / das Unbewußte* в современном Беккеру (да ещё и сегодня) значении. Сложность заключалась прежде всего в том, что в сложившейся традиции эти оппозиции передаются одинаково, а именно как «сознательное / бессознательное». Но для Беккера важно различать их, хотя он их и сближает, требуя понять первую через последнюю. В итоге было принято решение сохранить устоявшийся перевод для второй оппозиции, известной в том числе из психологической и психоаналитической литературы — *das Bewußte / das Unbewußte*. Тогда как шеллинговская оппозиция передается в переводе как «сознательное / неосознанное». Это оказалось вынужденным, но, наверное, не самым удачным решением, поскольку оно вызывает расхождение с существующим переводом «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга, а кроме того, не вполне согласуется со смыслом немецкого слова, в том числе и с тем смыслом, который в него вкладывал сам Шеллинг. Как раз шеллинговское *das Bewußtlose*, содержащее в себе относительное, а не абсолютное отрицание, следовало бы перевести как «бессознательное», тогда как *das Unbewußte*, содержащее значительно более сильный смысл отрицания, чем *das Bewußtlose*, могло бы быть передано с сохранением этого характера отрицательности, фактически калькой — как неосознанное или несознательное (в зависимости от контекста). Но это означало бы пойти наперекор значительно более распространённой традиции перевода оппозиции *das Bewußte / das Unbewußte* (сознательное/бессознательное), что сделало бы невозможным адекватное прочтение статьи Беккера для многих читателей.

4. Наконец, самую значительную трудность представлял собой перевод ключевого термина Беккера — *die Getragenheit*. Первоначальный вариант перевода состоял в том, чтобы просто передать кальку с немецкого слова, образованного, как представляется, от *Partizip II* от глагола *tragen* — нести. В таком случае термин Беккера должен был передаваться как «перенесенность». (В литературе по эстетике можно встретить пример передачи этого беккеровского термина на русский язык как «несомость».) Это, очевидно, не совсем красиво стилистически, да и не соответствует тому смыслу, который вкладывает в этот паразкзистенциал Беккер. Более того, такой перевод не позволяет вписать термин в те смысловые контексты, с которыми в своей статье играет Беккер. Тем не менее было обнаружено, что у прилагательного *getragen*

есть и самостоятельные значения: медлительный, размеренный. Немецкие словари синонимов дают такие варианты для *Getragenheit*: *Festlichkeit* (торжественность), *Pathos* (пафос), *Würde* (достоинство); английские — *stateliness* (величавость), *majesty* (величие), *stateness* (статность). Исходя из этого, было перепробовано несколько вариантов перевода. Одним из них, долго претендовавшим на роль окончательного, был «статность». Это слово, само по себе намекающее на философский потенциал русского существительного «стать» (сущность, самодостаточность, величие, внешний вид (ср. эйдос), и вместе с тем «становиться», «стать» (как глагол) и пр.), позволяло обозначить выведенность художника из потока исторического, соотнести его бытие с пониманием движения небесных светил и божественного в Античности, наконец, указать на бытие художника как вечное настоящее, как застывшее. С помощью игры со словами с корнями «-станов-» и «-стат-» оно позволяло передавать некоторые контексты использования *Getragenheit* у Беккера. Затем такой вариант был признан слишком искусственным, и «статность» была заменена более близкой обыденному языку «*приподнятостью*». Это слово, как казалось, сохраняя отчасти исходный смысл беккеровского термина, неплохо вписывается в те иллюстрирующие контексты, в которых он использует *Getragenheit*: неверное понимание чего-то поднимаемого как тяжелого (в *приподнятости*, как и в *Getragenheit*-перенесенности, нет намека на тяжесть, напротив, в ней заключена *легкость*). Она описывает движение светил как их восход, т. е. *подъём*. Правда, *приподнятость* не столь наглядно, по сравнению со *статностью*, характеризует вечное настоящее как способ бытия художника и произведения, но и здесь эти вещи могут быть связаны ассоциативно. Кстати, следует признать, что оба слова и, пожалуй, «*приподнятость*» даже в большей степени, плохо подходят для смыслового согласования с латинским и древнегреческим аналогами *Getragenwerden*, которые приводит Беккер в статье. Зато *приподнятость* очень хорошо может быть использована для феноменологической дескрипции настроения художника при *завершении* своего произведения — и эта *приподнятость* причащает его к вечному настоящему бытия эстетического. Немаловажным обстоятельством является и то, что в русском языке *приподнятость*, быть может, даже сильнее, чем *Getragenheit* в немецком, указывает на прямую противоположность природного (*приподнятость*) историческому (брошенный набросок). Удача художника, таким образом, — это то, что *приподнимает* его из брошенности, конститутивной для нехудожественного вотбытия человека.

Наконец, самый последний шаг при переводе беккеровской *Getragenheit*, сделанный едва ли не на стадии корректуры, состоял в том, чтобы заменить *приподнятость*, имеющую в том числе и чисто психологические коннотации, словом «*вознесённость*». Слово это, хотя, возможно, и звучит несколько более напыщенно (но и немецкий оригинал также не лишён такого смыслового оттенка), чем прочие подбирившиеся варианты, несомненно, всё же имеет главное преимущество перед ними — оно содержит в себе *тот корень*, который является *прямым русским переводом корня беккеровской Getragenheit*. А это позволяет передавать все использованные Беккером производные от *Getragenheit* соответствующими русскими однокоренными словами, хотя и при этом сохранить оригинальные контексты немецкой статьи удавалось не всегда. По крайней мере, «*вознесённость*» позволяла передавать все те же самые приводимые Беккером дескрипции и иллюстрации, что и, например, «*приподнятость*» (за исключением разве

что дескрипции беспечно-приподнятого настроения художника в момент завершения произведения — но и здесь вознесённость очень хорошо показывает пребывание художника через завершённость его произведения в вечном настоящем). А иногда с её помощью такая передача оказывалась даже более успешной (как в случае с трактовкой художника как *вознесённого* судьбой и природой). Кроме того, было обнаружено, что Беккер использует также и слово, которое в итоговом варианте было переведено как «приподнятый» — *gehobene*. «Вознесённость» позволила также согласовать русский перевод термина с приводимыми Беккером латинским и древнегреческим аналогами *Getragenheit*. Так что, в конце концов, уже не оставалось никакого сомнения в правильности выбора «вознесённости» для передачи ключевого беккеровского термина.

5. Наконец, нужно упомянуть, что Беккер использует в своей статье некоторое число терминов хайдеггеровской экзистенциальной аналитики. В некоторых случаях он конструирует свои термины на основании хайдеггеровских. При переводе в подавляющем большинстве случаев для передачи терминов Хайдеггера были использованы варианты, заимствованные из перевода «Бытия и времени» В. В. Библихина (Khaidegger, 1997). Исключение составляют три термина. Во — первых, *das Seinkönnen*, который в настоящем случае передается не как «способность быть», что вне беккеровского контекста было бы правильнее, а как «*умение быть*», поскольку для Беккера важно связать искусство (*Kunst*) в одной из его ипостасей именно с *умением* (*Können*), умелостью, искусностью, а их в свою очередь онтологически возвести к *Seinkönnen*, а стало быть, к сфере экзистенциально-историчного брошенного наброска. Во-вторых, — *das Man*, который, по примеру А. В. Тимофеенко, переведён как «люди». Этот вариант позволяет сохранить при переводе как смысл термина, так и грамматические число и лицо связанного с ним (в беккеровском тексте — только виртуально) глагола. В-третьих, ключевой термин Хайдеггера *das Dasein* переведён с помощью кальки *вотбытие*. Первоначально предполагалось, по примеру переводов текстов Хайдеггера, выполненных А. Г. Черняковым, оставлять в переводе оригинальный немецкий термин, но затем было принято решение заменить его калькой с немецкого оригинала.

6. В заключение стоит привести таблицу переводов основных терминов Беккера. Для большей краткости трудные для перевода, но нетерминологические слова у Беккера в ней учитываться не будут. Термины в таблице приведены *в порядке появления их в тексте статьи Беккера*, причём для удобства анализа терминологии русские переводы терминов помещены в исходный столбец таблицы, а немецкие оригиналы ставятся с ними в соответствие, будучи размещёнными в выходном столбце.

Глоссарий к переводу работы О. Беккера «Охрупкости прекрасного и авантюризма художника»:

- 1) хрупкость — *die Hinfälligkeit*
- 2) уязвимость — *die Fragilität*

- 3) уязвимый, зыбкий — fragil
- 4) ломкость — die Zerbrechlichkeit
- 5) заостренное — das Zugespitze
- 6) отточенное — das Überschärft
- 7) достижение острия вершины — die Spitzenleistung
- 8) остриё вершины — die Spitze
- 9) эстетический — ästhetisch
- 10) вершина — der Gipfel
- 11) исполненность — die Erfüllung
- 12) островерхий — spitzenartig
- 13) завершенность — das Vollendet
- 14) создание — das Schaffen
- 15) постижение — das Erfassen
- 16) бытие — Das Dasein
- 17) ранимый — verletzlich
- 18) одномоментный — momentan
- 19) бренность — die Vergänglichkeit
- 20) неустойчивость — die Labilität
- 21) подверженность разрушению — die Korruptibilität
- 22) отделение — die Abhebung
- 23) безобразный — häßlich
- 24) рок — das Verhängnis

- 25) возникновение — das Zustandekommen
- 26) возбуждать — erregen
- 27) вняtie — das Vernehmen
- 28) подобный эстетическому — ästhetoid
- 29) подлинно материальное преобразование — material-echte Verwandlung
- 30) принятие — die Aufnahme
- 31) неосознанное — das Bewußtlose
- 32) сознательное — das Bewußte
- 33) естественное — naturhaft
- 34) образ действия — das Verhalten
- 35) дополняющее созидание — das Nachschaffen
- 36) расхожий — vulgär

REFERENCES

- Becker, O. (1927). Mathematische Existenz. Untersuchungen zur Logik und Ontologie mathematischer Phänomene. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* (Vol. VIII), (440–809). Halle: Max Niemeyer Verlag.
- Becker, O. (1929). Von der Hinfälligkeit des Schönen und der Abenteuerlichkeit des Künstlers. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Ergänzungsband* (27–52). Halle: Max Niemeyer Verlag.
- Becker, O. (1930 a) Die Philosophie Edmund Husserls. In *Kant Studien* (Vol. 35), (119–150). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Becker, O. (1930 b). Zur Logik der Modalitäten. In *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung* (Vol. XI), (497–548). Halle: Max Niemeyer.
- Becker, O. (1933 a). Eine voreudoxische Proportionslehre und ihre Spuren bei Aristoteles und Euklid. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik* (Vol. II), (311–333). Berlin: Springer.
- Becker, O. (1933 b). Warum haben die Griechen die Existenz der vierten Proportionale angenommen. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik* (Vol. II), (369–387). Berlin: Springer.
- Becker, O. (1936 a). Spuren eines Stetigkeitsaxioms in der Art des Dedekindschen zur Zeit des Eudoxos. In *Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik,*

- Astronomie und Physik (Vol. III), (236–244). Berlin: Springer.
- Becker, O. (1936 b). Das Prinzip vom ausgeschlossenen Dritten in der griechischen Mathematik. In Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik (Vol. III), (370–388). Berlin: Springer.
- Becker, O. (1936 c). Die eudoxische Lehre von den Ideen und den Farben. In Eudoxos-Studien. 5 Teile. Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik, Astronomie und Physik (Vol. III), (389–410). Berlin: Springer.
- Becker, O. (1937). Transzendenz und Paratranszendenz. In R. Bayer (Ed.), *Travaux du IX Congrès International de Philosophie* (97–104). Paris: Extrait.
- Becker, O. (1943). Para-Existenz. Menschliches Dasein und Dawesen. *Blätter für deutsche Philosophie*, (17), 62–95.
- Becker, O. (1944). *Leibnitz, der deutsche Denker und gute Europäer*. Bonn: Gerb. Scheur.
- Becker, O. (1952). *Untersuchungen über den Modalkalkül*. Meisenheim am Glan: Westkulturverlag Anton Hain.
- Becker, O. (1957). *Das mathematische Denken der Antike*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Becker, O. (1959). *Größe und Grenze der mathematischen Denkweise*. Freiburg: Karl Alber.
- Becker, O. (1960). Die Aktualität des pythagoreischen Gedankens. In *Gadamer-Festschrift* (7–30). Tübingen: Mohr.
- Becker, O. (1963). *Dasein und Dawesen. Gesammelte philosophische Aufsätze*. Neske: Pfullingen.
- Dauben, J. W., & Scriba, C. (Eds.). (2002). *Writing the History of Mathematics*. Basel: Birkhäuser.
- Gethmann-Siefert, A., & Mittelstraß, D. (Eds.). (2002). *Die Philosophie und die Wissenschaften. Zum Werk Oskar Beckers*. München: Fink.
- Hogrebe, W. (2009). Die Selbstverstrickung des Philosophen Oskar Becker. In H.-J. Sandkühler (Ed.), *Philosophie im Nationalsozialismus* (157–190). Hamburg: Meiner.
- Jones, B. (2012). Oskar Becker. In S. Brown, D. Collinson, & R. Wilkinson (Eds.), *Biographical Dictionary of Twentieth-Century Philosophers* (57–58). London: Routledge.
- Khaidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moskva: Ad Marginem.
- Löwith, K. (1986). *Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933: ein Bericht*. Stuttgart: J.B. Metzler.
- Peckhaus, V. (Ed.). (2005). *Oskar Becker und die Philosophie der Mathematik*. München: Fink.
- Pöggeler, O. (1965). Hermetische und mantische Phänomologie. *Philosophische Rundschau*, (13), 1–39.
- Pöggeler, O. (1969). Oskar Becker als Philosoph. In *Kant Studien* (Vol. 60), (298–311). Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Pöggeler, O. (2002). Phänomenologie und philosophische Forschung bei Oskar Becker. In A. Gethmann-Siefert & J. Mittelstraß (Eds.), *Die Philosophie und die Wissenschaften. Zum Werk Oskar Beckers* (13–25). München.
- Sattler, J. (2011). *Phänomenologie und Ontologie bei Oskar Becker* (Ph.D. Thesis, FernUniversität in Hagen, University of Hagen, Germany). Retrieved from http://deposit.fernuni-hagen.de/2764/1/Diss_Sattler.pdf.
- Sepp, H. R. (1998). Die Ästhetik Oskar Beckers. *Axiomathes*, (9), 105–116.
- Zimny, L. (1969). Becker — Bibliographie. In G. Funke, & J. Kopper (Eds.), *Kant Studien* (Vol. 60), (319–330). Berlin, New York: Walter de Gruyter.